

Александр Посохов

Творческие люди

Александр Посохов

Творческие люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72302266

SelfPub; 2025

Аннотация

В данный сборник вошли короткие и преимущественно юмористические рассказы, так или иначе связанные с событиями, подтверждающими, что люди в большинстве своём являются, как принято говорить, творческими натурами. И в конце сборника ещё и статья о таких людях – об артистах.

Александр Посохов

Творческие люди

Вставай, дед!

– А ну-ка, дедушка, станцуй нам, как ты умеешь, – попросила бабушка в субботу вечером, чтобы рассмешить слегка приболевшую внучку, которая училась в первом классе.

– А я никак не умею, – заартачился дед.

– Вставай давай! – приказала бабушка. – Не догадываешься, что ли, зачем.

И грузный, приземистый, седовласый дед, абсолютно лишённый ещё с младенчества каких-либо способностей к танцевальным телодвижениям, встал из-за кухонного стола и начал страстно изображать некий плясотряс или трясопляс в виде несуразного дрыгоножества и тщетных попыток продемонстрировать хореографическую гибкость в районе полностью отсутствующей талии.

– Э-э, кумаба-кумба-кумба-кумбанчеру, – и запел ещё при этом, не успевая вилять привередливым задом в такт зажигательной мелодии. – Э-э, бонга-бонга-бонга-бонгасэру!

На громкие звуки и топот из комнаты тут же выскочила Мышка, рыженькая такая собачка, глянула испуганно на хо-

зьяина, хвост поджала и убежала обратно от греха подальше.

Больше минуты танцевал дед, сколько сил было. Очень уж он хотел, как и бабушка, чтобы внучка не разболелась. Она же у них одна.

– А что это за песня? – нахохотавшись вдоволь вместе с бабушкой, поинтересовалась внучка.

– Не знаю, – ответил дедушка, едва отдышавшись. – В детстве слышал несколько раз по радио. Латиноамериканская какая-то. Я вот только эти слова и запомнил из припева. И то неточно.

На следующий день, в воскресенье, внучка проснулась совершенно здоровой. А после обеда за ней приехал папа. В понедельник ей надо было в школу. Она, папа и мама жили на севере Москвы, а дедушка с бабушкой на юге. А это очень далеко.

Перед тем как попрощаться дед и предложил внучке:

– А давай мы будем обращаться друг к другу по паролям. И знать их будем только мы с тобой.

– Как это? – удивилась внучка.

– Ну вот смотри. Вспомни вчерашнюю песенку. Я буду называться, например, Кумбанчеру, а ты Бонгасэру. И забудь эти зашифрованные имена в телефонах. Вижу, звонит Бонгасэру, значит, внучка. А ты видишь, Кумбанчеру, значит, дедушка. И представляться будем так. Стучу в дверь и говорю, Кумбанчеру, а ты отвечаешь, Бонгасэру.

Внучке такая выдумка понравилась. Так они и сделали.

Шло время. У жизни свои законы. Внучка выросла. Дел и забот у неё, далёких от предков, всё прибавлялось. Бабушке с дедушкой оставалось лишь классы считать. Виделись они с любимой внученькой очень редко, в Новый год да в день рождения. Или в другой раз по исключительному поводу. А звонки вообще сошли на нет. Несказанно скучали они по ней, до глубокого уныния доходило. Сотовые телефончики остались в прошлом. Но абонента Бонгасэру дед в смартфон свой забил. А был ли Кумбанчеру в смартфоне внучки, он не знал.

И вот уже внучка школу оканчивает, а дедушка заболел. Ноги отнялись, особенно левая. Царапает её дед, массирует, но всё равно не чувствует. Врачи ничего не говорят. Да и что говорить, когда девятый десяток давно. Лежит дед на кровати и думает, не встать мне, наверно. И вдруг звонок. Посмотрел он на экран – Бонгасэру. Растерялся, опешил, чуть смартфон не выронил.

– Привет, Кумбанчеру!

– Привет, внученька дорогая, то есть, извини, Бонгасэру!

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, лежу.

– Вставай давай!

– Сейчас встану.

– Всё, я завтра проверю. Пока!

– Э-э, кумаба-кумба-кумба-кумбанчеру, – запел дед, вставая, будто и не болел вовсе. – Э-э, бонга-бонга-бонга-бон-

гасэру!

Старенькая Мышка даже залаяла от радости. Бабушка из кухни поспешила. А дед и танцевать уже начал, упрямо пытаясь поизгибаться в талии и повилить задом.

– Что с тобой? – не веря глазам своим и невольно улыбаясь, спросила бабушка.

– Внучка позвонила и приказала, чтобы я встал, – задорно, по-молодецки ответил дед. – Эх-ма, тру-ля-ля!

* * *

Графман хренов

Весна, выходной. Проснулся, а вставать неохота. И нужды нет. Чай перед сном не пил. 42 года, это даже не 33. Возраст критический. Что делать, как же прославиться? Не умирать же в неизвестности! Да ещё в столице. Писать надо. А о чём? Хоть о чём, сюжетов уйма. Сочини, например, сказку. Типа в речку упал, а там русалка, в глубину манит. Раки в тине барахтаются. А они-то причём тут, господи! Пиво пил, а раков никаких не было. Ну, твори, фантазируй! Капусту, что ли, самому посолить, вкуснее ведь получается, чем в магазине. Или вот соседка! Красивая одинокая женщина, без хвоста. Состряпай про неё оду или сонет, на худой конец. А что это, чёрт его знает. Так будут у меня с ней шуры-муры или нет? Допустим, будут, желательно даже. А когда? Сегодня же

комплимент ей отпущу, побреюсь только. О темах думай, а не о бабах, не надоело ещё! Хорошо. Тогда детективчик надо сварганить, шпионский. Наш разведчик оказался ненашим. Собачка по запаху разоблачила. А как? От носков духами французскими несло. Кстати, что-то пальцы на ногах не шевелятся. Точно диабет начинается. Или про любовь. Обязательно. Мне вроде как лет семнадцать, иду по бульвару, солнышко светит, а навстречу она. Ну там платице коротенькое, грудки намёком, шейка, как у жирафа. Нет, жираф тут не подходит, урод натуральный. А главное, у неё отец олигарх. Блин, ну сколько раз говорил жене, не покупай трусы 50 размера! 54 минимум. Жмёт ведь! Лучше вообще без них. А дальше что? Ага, вспомнил! Напишу-ка я о том, как с парашютом прыгал. Сам не знаю, зачем. Вывалился из кукурузника, карабином по башке получил, подвесная система съехала. Сижу криво, в паху будто тисками зажало, не то, что сейчас. Подтянулся, лямки поправил. Но поздно, чуть в огород чей-то не приземлился. Где бы воронку маленькую достать? А то вчера коньяк во фляжечку наливал, граммов десять на стол пролил, подлизывать пришлось. А, может, про политику чего-нибудь отчебучить? Остороженько так. Будто поднимаю народ на борьбу. За творческую свободу, за настоящую литературу! Опять восьмое марта скоро! Каждый год одно и то же. 15 роз жене купить или 25? Куплю-ка ей удава китайского подлиннее. Змея же она по знаку. Шипит вон на кухне чего-то, есть зовёт. Вставай давай, графоман

хренов!

* * *

Потом скажу

Идёт Аркадий Петрович вдоль книжного магазина, что напротив Моссовета, если по-старому называть. Он всегда так прогуливался перед отъездом из столицы, от памятника Пушкину до Красной площади. И видит, навстречу, ссутулившись, на полусогнутых ногах, идёт знаменитый артист Василий Н. В тёплой кожаной куртке, меховая кепка с ушами, руки в перчатках. И это в конце мая! Почему же он такой ветхий, удивился Аркадий Петрович, мы же одногодки с ним вроде. Поравнялись и разошлись в разные стороны. Однако Аркадий Петрович всё равно остановился через пару шагов и оглянулся, поражённый весьма странным и откровенно плохим видом уважаемого артиста. Недавно вот только по телевизору выступал, рассказывал что-то. А тут худющий, щёки впалые, нос острый, губы оттопырил и смотрит в одну точку, будто спит на ходу. И куда это он идёт? За книжкой, наверно, не начитался ещё. Но нет, мимо прошёл. А чего же его тогда к двери повело, чуть в стенку не вляпался. Догоню-ка я его, может, помочь человеку надо. Прикинуть дурачком эдаким, чтобы не обиделся. И догнал, прямо на повороте в Глинищевский переулок.

– Извините, Василий, не помню, как вас по батюшке, с вами всё в порядке? – спросил он.

– Всё в полном порядке, сударь, – знакомым экранным голосом ответил артист. – А почему вы спрашиваете?

– Да потому, что ты не идёшь, а кандыбаешь, шатаешься из стороны в сторону. А если запнёшься или ветер поднимется. Давай лучше вместе пойдём, куда тебе надо.

– Ну пойдём, – согласился Василий N. – И пошли они дальше вместе по переулку.

– Чего ты шаркаешь так, ноги болят?

– Всё болит.

– А куда ходил?

– В институт.

– Зачем?

– Выпуск у меня.

– На артистов учишь?

– Не на шахтёров же.

– А идёшь куда?

– Домой, недалеко тут.

В уютном дворике старого монументального дома, куда никогда не заглядывает солнышко и полиция, Василий N, тяжело дыша и кашляя, сел на скамейку.

– Пришли, – выдохнул он. – Спасибо, что проводил. Можешь идти уже по своим делам.

– От меня так просто не отделаешься, – шутливым тоном предупредил Аркадий Петрович и присел рядом. – Не уйду,

пока не объяснишь, почему ты такой понурый?

– Сын в монастырь ушёл, под Волгоградом где-то.

– Когда?

– Десять лет назад.

– Ого! – воскликнул Аркадий Петрович. – И что?

– А узнал я об этом только сегодня, случайно.

– И что?

– Один я.

– И что! Уж лучше одному быть, чем с кем попало. В одиночестве ты сам себе друг, товарищ и брат. И прошлое вспоминать не надо, живи настоящим.

– А ты не потомок Омара Хайяма?

– О, кстати! – вскочив со скамейки, снова воскликнул Аркадий Петрович. – Омаров не обещаю, у меня на них и денег нет, а кильку в томатном соусе и плавленые сырки куплю. Жди.

И Аркадий Петрович помчался в поисках какого-нибудь магазинчика для покупателей с тощими кошельками. Рассуждая при этом, если не дождётся, сам выпью и съем.

Но знаменитый артист дождался. Хотя на поиски такого магазинчика в центре Москвы потребовалось немало времени.

– Ну, давай за знакомство! – откупорив чекушку и наполнив понемногу бумажные стаканчики, предложил Аркадий Петрович. – Перчатки-то сними, а то сырок не почишишь.

Выпили. Закусили.

– Сто лет, поди, кильку не ел?

– Такую вообще никогда не ел, – признался Василий N, тыкая то пластиковой вилкой, то ломтиком батона прямо в банку. – Вкусная, зараза!

– Ты ешь, ешь, – ободряюще поддержал его Аркадий Петрович. – И сырок свой обязательно съешь. Маленько крепче будешь, как говорил Есенин.

– Да ты тоже не особо крепкий.

– Чего! – возмутился Аркадий Петрович. – Да ты знаешь, что у меня двухпудовая гиря под кроватью лежит для тренировки, а на кровати жена-красавица для любви.

– А в ней сколько пудов? – с усмешкой полюбопытствовал Василий N. – Давно на пенсию вышла?

– Чё ты лыбишься! Не видел её, а лыбишься. И водочка всегда в тумбочке есть. И яйца в холодильнике свежие.

– Такие же, как у тебя? – засмеялся и закашлялся одновременно Василий N.

– Ну вот, ожил, наконец, проснулся, – с искренним удовлетворением заметил Аркадий Петрович. – А ты тоже юморист. Да расстегни ты куртку, и кепку сними, тепло ведь.

– Действительно, тепло. Где ты раньше-то был? Наливай! Допили. Доели.

– Может, добавим? – протирая заслезившиеся глаза, предложил Василий N. – Деньги я дам.

– Нет, хватит, – возразил Аркадий Петрович. – Тебе хватит, я же вижу.

– А ты кто?

– Потом скажу.

– Когда потом?

– Завтра ночью.

– А почему ночью?

– Ну что ты привязался, не понимаешь, что ли, что я отнекиваюсь.

– А фильм про друзей чёрно-белый помнишь, я там молодой-молодой?

– Помню, конечно. Ты один из него живой остался.

– А в Урюпинске был?

– Был, до развала Союза ещё, в командировке. Замечательный городишко. И кинотеатр там хороший. А причём здесь Урюпинск?

– А я там с одной девушкой познакомился, как раз в этом кинотеатре на встрече со зрителями. Жалко её, очень жалко.

– Опять ты о прошлом! Скажи лучше, внучку мою после школы возьмёшь в институт свой?

– Возьму, всех возьму.

– Э-э, – забеспокоился Аркадий Петрович. – Да тебе не водку пить, а пшено клевать. Актёр ещё называется. Вставай, где твой подъезд?

На другой день, прогостив у дочки неделю, Аркадий Петрович рано утром уехал в свою Калугу.

А в обед новость: вчера на семьдесят седьмом году жизни скончался народный артист России Василий N, о причинах

смерти не сообщается.

Аркадий Петрович выключил телевизор, достал из тумбочки бутылку, два стакана, наполнил их до краёв, на один кусочек хлеба положил, другой поднял дрожащей рукой и выпил до дна.

Вошла жена.

– Что с тобой?

– Потом скажу

– Когда потом?

– Завтра ночью.

– Вот дурачок. Может тебе яйца пожарить, свежие?

– Не хочу, – отказался Аркадий Петрович, качая седой головой. – Не успели познакомиться и на тебе.

Поздно вечером уже, изменив программу, показали в прямом эфире круглый стол, посвящённый памяти выдающего актёра и педагога Василия N. Кто-то со слов журналистов пересказал свидетельства консьержки и домработницы о том, что домой артиста привёл некий пожилой мужчина приличной наружности. Василий N при этом выглядел абсолютно счастливым.

Долго ещё потом гадал Аркадий Петрович в отчаянии, неужели килька была плохая?

* * *

Мораль в шкафу

– Всем всё по ... – заявил влезший в меня столетний дед, коренной москвич, обречённо уставившись на книжный шкаф с сочинениями классиков марксизма-ленинизма.

– А покультурнее нельзя выразаться? – возмутился я.

– Нельзя! – отрезал дед. – Потому, что учили они, учили, как жить надо, и всё зря.

– А ты знаешь как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.